

Юные известия. — 2001. — 11 сентября. — с. 7.

Власть Советам, мир народам, «Манеж» Налбандяну

Выставка к 95-летию официозного живописца

Дмитрий СМОЛЕВ, для «Новых Известий»

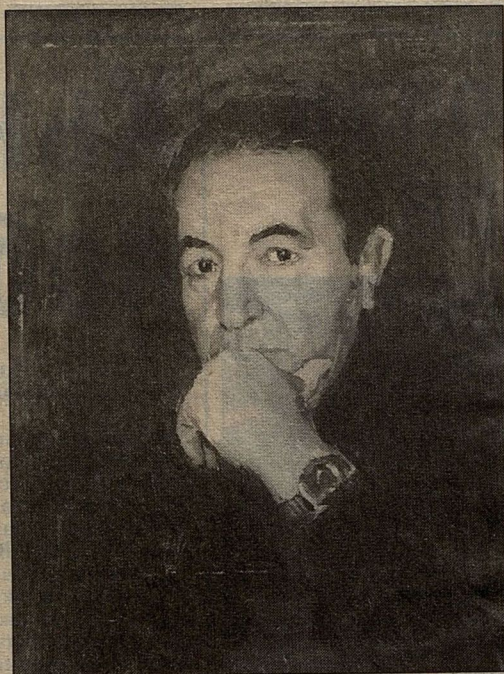
Сочетание слов «Манеж» и «Налбандян» рождает в воображении совершенно не то зрелище, какое устроено сейчас под стропилами ЦВЗ. В прежние годы академику, народному художнику и герою соцтруда отдавали в пользование всю кубатуру бывшей конюшни, и демонстрировались здесь не пейзажики с натюрмортиками, а многометровые эпические полотна и портреты вождей. Если кто не знает или успел забыть, Налбандян — одиознейшая фигура в советском искусстве, знаменосец и правофланговый. Среди классиков социалистического реализма встречались личности рефлектирующие, мятущиеся, неоднозначные, однако экспоненту ничего подобного не инкриминируешь. Он всегда отзывался на призывы партии с невероятным воодушевлением, оценить которое сегодня сложновато: в Третьяковке давно уже упразднен персональный зал Налбандяна с хитами вроде «Власть Советам — мир народам» или «Малая земля».

Дмитрий Аркадьевич был едва ли не единственным, кто портретировал Иосифа Виссарионовича с натуры (за что удостоился Сталинской премии, в нынешней биографической справке стыдливо переименованной в Государственную). Из членов Политбюро, маршалов, прогрессивных деятелей зарубежья и заказчиков рангом пониже к нему в мастерскую выстраивались очереди. Эти знаменательные вехи творческого пути не нашли отражения в экспозиции, разве что тройной портрет — военачальника Баграмяна и двух Микоянов, государственного деятеля и авиаконструктора — дает некоторое представление о характере и масштабе живописного бедствия.

История о том, как выпускник Тбилисской академии художеств, начинавший простым мультипликатором, дослужился до всех мыслимых званий и почестей, полна белых пятен и темных сторон. Организаторы шоу уверяют, что все дело в таланте и трудолюбии. Выставка в «Манеже» призвана очистить репутацию покойного автора от идеологических клейм и представить его эдаким виртуозом кисти, от души запечатлевающим красоту земного мира. Натюрморты с сочными фруктами, гуруфские виды, портреты актеров, хирургов и космонавтов, нежные березки ранней весной... Есть даже изображение православного храма, правда, венчающий его крест на всякий случай не поместился в формате.

Такого сорта деятельность давно получила ироническое определение — социалистический импрессионизм. Советский человек должен быть всесторонне и гармонично развитой личностью; за трудовыми свершениями не следует забывать о красотах родной природы и дозволенных радостях жизни. Зацикливание живописцев на пейзажах и натюрмортах властью не приветствовалось, но если такой мастер, как Налбандян, в перерывах между фрагментами Ленинианы сходит в загородный лесок на этюды или привезет дорожные зарисовки из дальнего путешествия, это только на пользу и художнику, и зрителю. Разнообразная экзотика собирается на выставке в полновесный раздел: достопримечательности Лондона и Толедо, идиллическая атмосфера острова Капри, сценки с заклинателями змей и причудливо наряженными водоносами.

Прямо скажем, эстетические достоинства этих произведений не захватывают дух. Много небрежной эскизности и мало интеллектуального напряжения. До-

Дмитрий Налбандян. Автопортрет.

сужий характер большинства представленных работ не позволяет судить о возможностях автора. Воспоминания же о его соцреалистических апофеозах наполовину мрачны, наполовину юмористичны. Так разменивался талант, если он и был, в обмен на награды, привилегии, комфорт... Огромный опыт общения с сильными мира подсказал художнику, как лучше устроиться и посмертную свою судьбу. В конце 80-х, незадолго до кончины, он осуществил операцию, которая все чаще теперь служит моделью отношений мастеров кисти со столичным руководством: подарил городу часть своих произведений, а город в ответ устроил персональный музей. Об особняках вроде шиловского на Знаменке тогда речь не шла, но мастерская Налбандяна вместе со всем тамошним добром обрела музейный статус. Оттуда, собственно, и экспонаты манежной выставки. Музей-мастерская не только увековечение, но и база для пропаганды наследия. Уметь надо.

Не раз доводилось слышать мнение вроде такого: ну и что? И Эль Греко был придворным живописцем, и Рубенс с Веласкесом, да и вообще художники от века обслуживали власть. Вот и в нынешнем буклетике автор назван летописцем своего времени. Не станем вдаваться в дискуссию и выявлять отличия Налбандяна от Веласкеса, кроме очевидной разницы в дарованиях. Достаточно того, что в старинные времена не в ходу были такие термины, как «сервильность» и «тоталитаризм», а о свободе творчества задумывались единицы. В наши дни эти понятия игнорировать невозможно. Налбандян свой выбор сделал и всю жизнь его придерживался, так что перекалфицировать певца коммуно-бюрократических идеалов в выдающегося лирика едва ли получится.